
Айрина Лис
Бюро посмертных услуг

Айрина Лис
Бюро посмертных услуг

https://litres.ru/75024057
SelfPub; 2026

Аннотация

Ася Громик — патологоанатом с пятью годами стажа, чёрным юмором и котом Бубликом. Она не верит в мистику, но верит в технику безопасности. Однажды ночью в морге она умирает — и попадает в Некросс, мир, где смерть не конец, а смена декораций. Здесь бюрократия правит бал, призраки заполняют жалобы, а Пожиратель Отчётов ест документы.

Чтобы вернуться домой, Асе нужно выяснить, кто заказал её смерть. А для этого придётся открыть собственное Бюро посмертных услуг, нанять нервного некроманта-недоучку и болтливого скелета, подружиться с ворчливой бабкой-призраком и научить местных упырей, что такое настоящая справедливость.

Это история о том, что даже мёртвые могут навести порядок. Если очень постараться. И если заполнить достаточно бланков.

Содержание

Пролог. «Техника безопасности для мёртвых» 4
Глава 1. «Клиент скорее мёртв, чем жив» 23
Глава 2. «Пожиратель Отчётов обедает в час» 56
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Айрина Лис
Бюро посмертных услуг

Пролог. «Техника безопасности для мёртвых»

В половине одиннадцатого вечера морг пахнет особенно честно. Днём формалин ещё пытается казаться медицинским спиртом, притворяется, что он тут ради стерильности и науки, а к ночи он сдаётся и говорит прямо: да, здесь лежат мёртвые, и да, тебе, Ася, пора домой.

Я сидела за столом в ординаторской, подперев голову рукой, и смотрела на стопку бумаг, которая не уменьшалась, а, кажется, размножалась почкованием. Акт приёма-передачи. Акт списания. Журнал регистрации. Журнал вскрытий. Журнал журналов — я не шутила, у нас был и такой, потому что главврач обожал бюрократию так же нежно, как я обожаю кота Бублика.

Лампа над столом гудела на одной ноте, как заевшая пластинка. За окном шёл дождь — мелкий, упрямый, ноябрьский, который не стучит по стеклу, а просто висит в воздухе и делает всё вокруг серым. В углу бормотало радио, из которого доносился старый шансон: «Ах, какая женщина, мне б

такую...» Я посмотрела на свой халат с пятном от кофе и решила, что «такая» — это, видимо, женщина, которая умеет не разливать кофе. Я не умела.

В коридоре было тихо. Та тишина, к которой я привыкла за пять лет и которую уже не замечала, как не замечаешь собственное дыхание. Где-то капал кран — раз в три секунды, методично, как метроном. Я даже иногда считала: раз, два, три, кап. Раз, два, три, кап. Если посчитать до ста, можно успеть написать один акт. Если не отвлекаться на мысли о том, что дома меня ждёт Бублик, который, скорее всего, уже сожрал цветок на подоконнике и смотрит на дверь с выражением лица «ну где ты шляешься, женщина».

Бублик — это мой кот. Толстый, рыжий, с характером бульдозера и интеллектом табуретки. Он единственный мужчина в моей жизни, который ждёт меня дома и не требует объяснений. Правда, он требует жрать. Но это честнее, чем требовать «поговорить о нас».

Я взяла ручку и подписала очередной акт. «Громик А. С.» — написала я и посмотрела на свою подпись. Она была похожа на кардиограмму уставшего человека. Я вздохнула и потянулась к термосу. Термос был пустой. Это было предсказуемо, как и всё в этой жизни.

— Так, — сказала я вслух, потому что в морге можно говорить вслух, никто не осудит. — Ещё три акта, и я свободна. Свободна, как ветер. Как ветер, который несёт меня домой к коту.

Я открыла следующий акт и уставилась в него. Буквы плыли. В голове было пусто и одновременно шумно — как в пустом актовом зале, где кто-то забыл выключить микрофон. Я подумала, что надо бы заварить ещё чаю, но для этого надо было встать, а вставать не хотелось. Хотелось лечь. Прямо здесь, на стол, лицом в акты, и уснуть. Но я знала, что если лягу, то проснусь только утром, а утром придёт главврач и скажет: «Громик, вы почему спите на документах?» И мне придётся отвечать что-то вроде: «Я их изучаю тактильно».

В коридоре послышались шаги. Не мои. Шаги были неуверенные, шаркающие, с остановками. Я подняла голову. В дверях стоял парень лет девятнадцати, в белом халате на два размера больше, с лицом цвета прокисшего молока. Он держал в руках папку и смотрел на меня так, будто я была не патологоанатомом, а людоедом.

— Здравствуйте, — сказал он тонким голосом. — Я Толик. То есть Анатолий. Стажёр. Меня к вам направили. На практику. На ночную. Ну, то есть на ночное дежурство. Я... я не знал, что тут так... тихо.

Я посмотрела на него. Потом на часы. Половина одиннадцатого. Ночное дежурство. Стажёр. В морге. В ноябре. В дождь.

— Толик, — сказала я медленно, — ты уверен, что хочешь быть врачом?

— Я... — он сглотнул. — Я хочу быть dentist. То есть стоматологом. Но мама сказала, что сначала надо попрактико-

ваться на... на общем профиле.

— На общем профиле, — повторила я. — То есть на трупах.

Толик побледнел ещё сильнее. Я не думала, что это возможно, но он справился.

— Ну, — сказала я, — добро пожаловать. У нас тут не морг, а санаторий. Только клиенты не жалуются. Проходи, садись. Только не на тот стул.

— А что с тем стулом? — прошептал он.

— На нём вчера сидел санитар, который уволился, — сказала я. — Он не умер, если ты об этом. Просто уволился. Но стул с тех пор какой-то... грустный.

Толик посмотрел на стул. Стул был обычный, серый, с облупившейся краской. Но Толик смотрел на него так, будто стул был привидением.

— А он... — начал Толик. — Он не...

— Он не двигается, — сказала я. — И не кусается. Садись, не бойся.

Толик сел. Медленно, как будто стул был начинён взрывчаткой. Я вздохнула и отложила ручку.

— Так, — сказала я. — Первое правило ночного дежурства в морге: не думать о том, что здесь лежит. Второе правило: думать о том, что здесь лежит, но с профессиональной точки зрения. Третье правило: если тебе кажется, что кто-то шевелится, — это не кто-то шевелится, это ты устал. Четвёртое правило: если тебе кажется, что кто-то шевелится, и

ты не устал, — проверь, не забыл ли ты закрыть окно.

— А если я забыл закрыть окно? — спросил Толик.

— Тогда закрой, — сказала я. — И не забудь сказать «извините, я случайно».

Толик нервно хихикнул. Получилось у него плохо, но я оценила попытку.

— А вы... — он помялся. — Вы не боитесь?

Я посмотрела на него. Потом на стопку актов. Потом снова на него.

— Толик, — сказала я, — я работаю здесь пять лет. За это время я вскрыла сто двадцать три человека. Из них сто двадцать два были старше меня. Один был мой ровесник. Я знаю, как выглядит печень алкоголика, как пахнет инфаркт и как звучит тишина, когда в морге выключают свет. Я не боюсь мёртвых. Я боюсь главврача, который приходит проверять журналы в семь утра. Это гораздо страшнее.

Толик смотрел на меня круглыми глазами. В них было что-то среднее между ужасом и восхищением.

— А... а они... — он понизил голос до шёпота. — Они... двигаются?

— Только когда ты забываешь подписать акт, — сказала я серьёзно. — Тогда они приходят к тебе во сне и говорят: «Толик, подпиши, пожалуйста, а то мы не можем уйти в мир иной». И знаешь, что самое страшное? Они вежливые. Они не кричат. Они просто стоят и смотрят. И ждут.

Толик издал звук, который я могу описать только как

«писк». Я вздохнула.

— Я шучу, — сказала я. — Расслабься. Мёртвые не двигаются. Мёртвые — это просто мёртвые. Они не хотят тебя обидеть. Они вообще ничего не хотят. Это их главное преимущество перед живыми.

— А живые? — спросил Толик.

— Живые хотят, — сказала я. — Живые постоянно чего-то хотят. Кофе, зарплату, любви, чтобы ты заполнил акт. Живые — это сложно.

Толик немного расслабился. Плечи у него опустились, руки перестали дрожать. Он даже попытался улыбнуться.

— А вы... — начал он. — А вы не хотите... ну... уйти в другое место? Ну, в смысле, работать?

— Куда? — спросила я. — В поликлинику? Там пациенты разговаривают. Они жалуются. Они спрашивают: «Доктор, а это не опасно?» А я не могу им сказать: «Не опасно, вы уже мертвы». Потому что они не мертвы. Пока.

— А здесь? — спросил Толик.

— А здесь тихо, — сказала я. — Здесь никто не жалуется. Здесь всё честно. Ты вскрываешь, находишь причину, пишешь заключение. Всё. Никаких «а может, само пройдёт». Оно не пройдёт. Оно уже прошло. Всё, что могло пройти, уже прошло.

Толик задумался. Я видела, как в его голове крутятся шестерёнки. Медленно, со скрипом, но крутятся.

— А вы... — он снова помялся. — А вы не боитесь, что...

ну... что кто-то из них... ну... встанет?

— Толик, — сказала я, — если кто-то из них встанет, я первая пожму ему руку и спрошу, как он себя чувствует. Потому что это будет научная сенсация. А наука, как известно, превыше всего. Даже превыше моего желания поспать.

Толик хотел что-то сказать, но в этот момент зазвонил телефон. Мой, мобильный, который лежал на столе рядом с термосом. Я посмотрела на экран. «Мама». Конечно, мама. Кто ещё может звонить в половине одиннадцатого вечера?

Я взяла трубку.

— Ася, — сказала мама голосом, который не предвещал ничего хорошего. — Ты где?

— На работе, — сказала я.

— В морге? — уточнила мама.

— Нет, мама, в ресторане, — сказала я. — Я просто очень люблю формалин. Он напоминает мне твои котлеты.

— Не остри, — сказала мама. — Я тебе серьёзно. Ты помнишь, что в субботу у тебя свидание?

Я замерла. Свидание. Суббота. Мама. Конечно, я помнила. Точнее, я помнила, что мама сказала мне об этом три недели назад, и я, кажется, согласилась, чтобы она отстала. Но я не помнила, что это уже в субботу. Я вообще не помнила, какое сегодня число.

— Мама, — сказала я, — у меня в субботу вскрытие.

— Вскрытие можно перенести, — сказала мама.

— Мама, — сказала я, — вскрытие нельзя перенести. Это

не парикмахерская. Он не может подождать до понедельника. Он уже подождал достаточно.

— Кто «он»? — спросила мама.

— Клиент, — сказала я.

— Ася, — сказала мама с той интонацией, которую я ненавидела с детства. — Ты не можешь всю жизнь работать с трупами.

— Могу, — сказала я. — У меня диплом.

— Ася!

— Мама, — сказала я, — я не могу пойти на свидание. У меня клиент. Он молчит, но он требовательный.

— Ты издеваешься, — сказала мама.

— Я работаю, — сказала я. — Это разные вещи.

Мама вздохнула. Этот вздох я знала наизусть. Он означал: «Я тебя люблю, но ты меня доводишь».

— Ася, — сказала она. — Тебе двадцать восемь. У тебя нет мужа. У тебя нет детей. У тебя есть только кот и работа.

— У меня есть ещё папоротник, — сказала я. — Но он, кажется, засох.

— Ася!

— Мама, — сказала я, — я тебя люблю. Но я не могу сейчас разговаривать. У меня стажёр. Он боится.

— Стажёр? — мама оживилась. — Молодой?

— Мама, — сказала я. — Он боится трупов. Он не кандидат в женихи. Он кандидат в беглецы.

Мама что-то пробормотала про то, что я безнадёжна, и

положила трубку. Я посмотрела на телефон, потом на Толика. Толик смотрел на меня с ужасом.

— Это была ваша мама? — спросил он.

— Да, — сказала я. — Она хочет, чтобы я вышла замуж. Ты не хочешь жениться?

— Я... — Толик поперхнулся. — Я... я не...

— Шучу, — сказала я. — Расслабься. Я не настолько отчаялась. Пока.

Толик выдохнул. Я посмотрела на часы. Без десяти одиннадцать. Пора было идти проверять холодильник. Ночное дежурство включало в себя обход — я должна была убедиться, что все клиенты на месте, что температура в норме, что дверь закрыта. Обычно это занимало минут десять. Сегодня я решила взять Толика с собой. Пусть привыкает.

— Толик, — сказала я, — пойдём.

— Куда? — спросил он.

— В холодильник, — сказала я.

— В холодильник? — Толик побледнел. — В тот самый?

— У нас один холодильник, — сказала я. — Он большой. Там сейчас пять человек. Точнее, пять тел. Мы их так называем. Тела. Не люди. Тела. Это помогает.

— А... а зачем мы туда идём? — спросил Толик.

— Проверять, — сказала я. — Температура должна быть плюс два. Если будет плюс три, они начнут портиться. А если начнут портиться, то запах будет такой, что ты больше никогда не захочешь есть холодец.

— Я и так не хочу, — пробормотал Толик.

— Вот и отлично, — сказала я. — Значит, привыкнешь.

Мы вышли в коридор. Лампы дневного света мигали, как будто тоже устали. Пол был холодный, кафель блестел. В конце коридора была дверь с надписью «Холодильная камера». Надпись была сделана чёрным маркером, потому что табличку так и не повесили. Я открыла дверь.

Из холодильника пахнуло холодом. Тем самым холодом, который не пахнет ничем, но от которого у тебя внутри всё сжимается. Я вошла первой. Толик остался в дверях.

— Толик, — сказала я, — заходи. Здесь не кусаются.

— А вы уверены? — спросил он.

— Уверена, — сказала я. — Я проверяла.

Толик вошёл. Медленно, как будто шёл по минному полю. В холодильнике стояли пять столов. На четырёх лежали тела, накрытые простынями. Пятый стол был пустой.

Я подошла к термометру. Плюс два. Хорошо. Я проверила каждое тело — все на месте. Я знала их по номерам. Номер один — мужчина, сорок пять лет, инфаркт. Номер два — женщина, семьдесят два года, инсульт. Номер три — мужчина, тридцать лет, авария. Номер четыре — женщина, пятьдесят, онкология. Номер пять — мужчина, неопределённый возраст, неопределённая причина смерти. Его привезли вчера. Документов не было. Только бирка с номером.

Я подошла к пятому столу. Простыня была на месте. Я приподняла край. Мужчина, лет сорока, с бледным лицом и

странной отметиной на запястье — то ли ожог, то ли татуировка. Я уже видела её вчера. Странная, в форме круга с какими-то символами. Я тогда подумала, что это, может, секта. Или просто странный вкус.

— А это кто? — спросил Толик шёпотом.

— Не знаю, — сказала я. — Привезли вчера. Без документов. Без имени. Без причины смерти. Только номер.

— А как же... — Толик сглотнул. — Как же вы его вскрывать будете?

— А я не буду, — сказала я. — Пока не будет документов. Нельзя вскрывать человека, у которого нет имени. Это как читать книгу без названия. Можно, но непонятно, о чём.

— А он... — Толик смотрел на отметину. — А это что?

— Не знаю, — сказала я. — Может, ожог. Может, татуировка. Может, просто грязь.

Я опустила простыню. Толик выдохнул. Мы вышли из холодильника. Я закрыла дверь.

— Ну что, — сказала я, — страшно?

— Немного, — признался Толик.

— Это нормально, — сказала я. — Страх — это нормально. Главное, чтобы он не мешал тебе подписывать документы.

Мы вернулись в ординаторскую. Я села за стол. Толик сел на стул — тот самый, «грустный». Он уже не казался ему таким страшным.

— Ася Сергеевна, — сказал он. — А можно вопрос?

— Можно, — сказала я. — Только не про личную жизнь. У меня её нет.

— А почему вы... — он помялся. — Почему вы здесь работаете? Ну, в смысле, вы же могли бы... ну... в больнице. С живыми.

Я посмотрела на него. Потом на стопку актов. Потом на окно, за которым всё ещё висел дождь.

— Толик, — сказала я. — Ты знаешь, чем отличается живой от мёртвого?

— Ну... — он задумался. — Живой дышит?

— Живой врёт, — сказала я. — Живой говорит: «У меня всё хорошо», когда у него всё плохо. Живой говорит: «Я бросил пить», когда он пил вчера. Живой говорит: «Я тебя люблю», когда хочет чего-то другого. А мёртвый не врёт. Мёртвый просто лежит. И всё, что с ним случилось, написано у него внутри. Надо только посмотреть. И сказать правду. Вот и всё.

Толик молчал. Я видела, что он думает. Может, впервые в жизни думает о чём-то серьёзном.

— А вы... — начал он. — А вы не боитесь... ну... что вам придётся сказать правду, которую никто не хочет слышать?

— Боюсь, — сказала я. — Но кто-то же должен.

В этот момент в дверь постучали. Я посмотрела на часы. Без пяти одиннадцать. Кто мог прийти в такое время? Санитары ушли в десять. Главврач приходил утром. Ночной сторож дядя Паша обычно не стучал — он просто заходил и го-

ворил: «Ась, чай будешь?»

— Войдите, — сказала я.

Дверь открылась. На пороге стоял дядя Паша — невысокий, седой, в ватнике и с термосом в руках. Он был ночным сторожем уже лет двадцать. И всё это время он рассказывал мне истории про привидений.

— Ась, — сказал он. — Чай будешь?

— Буду, — сказала я. — Паш, знакомься. Это Толик. Стажёр. Первый день.

Дядя Паша посмотрел на Толика. Толик посмотрел на дядю Пашу.

— Первый день? — переспросил дядя Паша. — И сразу в ночь?

— Так получилось, — сказала я.

— Ну, — сказал дядя Паша, — значит, не боится.

— Боится, — сказала я. — Но держится.

Дядя Паша кивнул и поставил термос на стол. Он был старый, с облупившейся эмалью, но чай в нём всегда был горячий и всегда с какими-то травами. Я подозревала, что он туда добавляет что-то для бодрости. Или для спокойствия. Или для того, чтобы я не задавала лишних вопросов.

— Сегодня, — сказал дядя Паша, садясь на «грустный» стул, — покойники шепчутся.

Я вздохнула. Начиналось.

— Паш, — сказала я. — Это вентиляция.

— Не, — сказал дядя Паша. — Вентиляция гудит. А они

шепчутся. Я слышал. Ночью, когда все уходят. Они говорят: «Паша, Паша, а где документы?»

Толик побледнел. Я налила себе чаю.

— Паш, — сказала я. — Если они шепчутся, значит, им есть что сказать. Но я не могу им помочь. У них нет медицинского полиса.

— Вот и я говорю, — сказал дядя Паша. — Без полиса никуда.

Он отхлебнул чаю из своей кружки. Кружка была с надписью «Лучший сторож». Я подарила её ему на Новый год. Он был очень горд.

— А ещё, — сказал дядя Паша, — сегодня один из них... ну... тот, без документов... он как-то... не так лежит.

Я замерла. Толик замер тоже.

— Как «не так»? — спросила я.

— Ну, — дядя Паша почесал затылок. — Я когда мимо шёл, мне показалось, что он... ну... повернулся.

— Паш, — сказала я. — Он не мог повернуться. Он мёртвый.

— Вот и я говорю, — сказал дядя Паша. — А он повернулся.

Я посмотрела на Толика. Толик посмотрел на меня. В его глазах был ужас.

— Паш, — сказала я. — Ты уверен?

— Ась, — сказал дядя Паша. — Я двадцать лет здесь работаю. Я знаю, как лежат мёртвые. Они не шевелятся. А этот...

он как-то... боком.

Я встала.

— Толик, — сказала я. — Пойдём.

— Куда? — спросил Толик.

— В холодильник, — сказала я. — Проверим.

— А может, не надо? — спросил Толик.

— Надо, — сказала я. — Если он правда повернулся, я хочу это увидеть. Если он не правда повернулся, я хочу это увидеть и сказать Паше, что он ошибся. В обоих случаях надо идти.

Мы пошли в холодильник. Дядя Паша остался в ординаторской — он сказал, что ему надо «присмотреть за чаем». Я открыла дверь. Свет был тусклый, лампы гудели. Я подошла к пятому столу. Простыня была на месте. Я приподняла её.

Мужчина лежал на спине. Голова была повёрнута в сторону. Вчера она была прямо. Я помнила. Я точно помнила, потому что я проверяла бирку.

— Он... — Толик смотрел на меня. — Он правда...

— Не паникуй, — сказала я. — Это может быть рефлекс. Или мыши. Или сквозняк.

— Сквозняк? — переспросил Толик. — В холодильнике?

— Всякое бывает, — сказала я. — Не паникуй. Паника — это непрофессионально.

Я опустила простыню. Я не хотела признаваться даже себе, но у меня по спине пробежал холодок. Не от страха. От чего-то другого. От ощущения, что я что-то упускаю. Что-

то важное.

Мы вернулись в ординаторскую. Дядя Паша посмотрел на нас.

— Ну что? — спросил он.

— Показалось, — сказала я. — Или мыши.

— Мыши? — дядя Паша нахмурился. — У нас нет мышей.

— Теперь есть, — сказала я. — Я их видела. Маленькие, серые. Бегают.

Дядя Паша хотел что-то сказать, но передумал. Он допил чай и встал.

— Ладно, — сказал он. — Пойду. Если что, я в сторожке.

Он ушёл. Толик смотрел на меня.

— Ася Сергеевна, — сказал он. — А вы правда видели мышей?

— Нет, — сказала я. — Но Паше не надо знать, что я не знаю, что это было.

— А что это было? — спросил Толик.

— Не знаю, — сказала я. — И это меня беспокоит.

Я села за стол. Взяла ручку. Посмотрела на акты. Буквы плыли. Я устала. Я очень устала. Я подумала, что надо бы дописать акты и пойти домой. Но домой было далеко, а Бублик, наверное, уже спал. Или смотрел на дверь. Или сожрал цветок.

— Толик, — сказала я. — Ты как?

— Нормально, — сказал он. — Только... я, кажется, боль-

ше не хочу быть стоматологом.

— А кем хочешь? — спросила я.

— Не знаю, — сказал он. — Может, патологоанатомом.

Я посмотрела на него. Потом улыбнулась. Первый раз за вечер.

— Хорошая профессия, — сказала я. — Клиенты не жалуются. Правда, и не платят. Но это уже детали.

Толик улыбнулся в ответ. Улыбка у него была кривая, но искренняя. Я подумала, что из него может получиться толк. Может быть. Когда-нибудь.

Я взяла ручку и снова уставилась в акт. «Громик А. С.» — написала я. И замерла. В коридоре снова послышались шаги. Но это были не шаги Толика. И не шаги дяди Паши. Это были шаги кого-то, кто шёл очень медленно. Очень тяжело. Как будто нёс что-то большое.

Я подняла голову. Толик тоже. Мы смотрели на дверь. Шаги приближались. Я положила ручку. Встала. Толик встал тоже.

— Ася Сергеевна, — прошептал он. — Кто это?

— Не знаю, — сказала я.

Дверь открылась. На пороге стоял человек в чёрном плаще. Лицо у него было бледное, глаза — пустые. Он посмотрел на меня. Потом на Толика. Потом снова на меня.

— Громик Ася Сергеевна? — спросил он.

— Да, — сказала я.

— Вам письмо, — сказал он и протянул мне конверт. Кон-

верт был серый, без марок, без обратного адреса. Я взяла его. Человек в плаще кивнул и ушёл. Шаги стихли.

Я посмотрела на конверт. Потом на Толика. Толик смотрел на конверт.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю, — сказала я. — Но что-то мне подсказывает, что это не поздравительная открытка.

Я вскрыла конверт. Внутри был лист бумаги. На нём была одна строчка. Печатными буквами. Я прочитала её вслух:

«Причина смерти: будет установлена позже».

Я посмотрела на Толика. Толик посмотрел на меня.

— Это шутка? — спросил он.

— Не знаю, — сказала я. — Но я не смеюсь.

Я положила лист на стол. В этот момент я почувствовала, что пол под ногами стал каким-то скользким. Я посмотрела вниз. Формалин. Кто-то разлил формалин. Много формалина. Я сделала шаг назад. Нога поехала. Я попыталась схватиться за стол, но рука соскользнула. Папка с документами полетела на пол. Я тоже.

И в этот момент я услышала голос. Он был негромкий, но очень чёткий. Как будто кто-то читал вслух бумажку:

— Громик Ася Сергеевна. Дата рождения: четырнадцатое марта. Причина смерти: будет установлена позже. Согласие на обработку посмертных данных: отсутствует.

Я хотела закричать. Но не смогла. Всё стало тёмным. Последняя мысль была о Бублике. О том, что он останется го-

лодным. О том, что я не успела купить ему корм. О том, что в холодильнике лежит человек без документов. И о том, что я, кажется, тоже теперь человек без документов.

Темнота.

Глава 1. «Клиент скорее мёртв, чем жив»

Первое, что я почувствовала, — это запах. Не формалин. Не хлорка. Не тот сладковатый, тошнотворный аромат, который бывает в морге, когда кто-то забыл закрыть окно, а на улице плюс тридцать. Нет. Это был запах старой бумаги. Пыльной, кисловатой, с ноткой сырости, как будто кто-то открыл сундук, который сто лет простоял на чердаке, и забыл его закрыть. Я лежала на чём-то твёрдом. На чём-то очень твёрдом. Настолько твёрдом, что моя спина уже начала протестовать. Я попыталась пошевелиться. Получилось. Это было неожиданно. Я была уверена, что после падения на кафельный пол с разлитым формалином я должна была либо умереть, либо, как минимум, сломать себе что-нибудь важное. Но я могла шевелить руками. Могла шевелить ногами. Могла даже, кажется, шевелить пальцами на ногах, что было уже совсем странно, потому что я никогда не была уверена, что они у меня есть.

Я открыла глаза. Первое, что я увидела, — это потолок. Он был серый, с трещинами, которые складывались в узор, отдалённо напоминающий карту Австралии. Я знала эту карту. Я смотрела на неё каждый день. Только в моём морге потолок был белый, с лампой дневного света, которая мигала,

когда кто-то включал чайник в соседнем кабинете. А здесь потолок был серый. И лампы не было. Было что-то другое. Что-то, что светилось. Тускло, желтовато, как будто кто-то налил в люстру мёда и забыл его вытереть.

Я попыталась сесть. Получилось с третьей попытки. Первая закончилась тем, что я упала обратно. Вторая — тем, что я упала набок. Третья — тем, что я всё-таки приняла вертикальное положение и обнаружила, что сижу на стуле. На обычном стуле. Деревянном, с прямой спинкой, с облупившейся краской. Такие стулья обычно стоят в поликлиниках. Или в очередях. Или в местах, где людям приходится ждать.

Я огляделась. Я была в очереди. Ну, то есть, я сидела на стуле, а передо мной был стол. За столом сидел скелет. Настоящий скелет. С черепом, с рёбрами, с руками, которые держали ручку. Он был одет в белую рубашку и галстук-бабочку. На носу у него были очки. Круглые, в тонкой оправе. Он что-то писал в большой книге. Я смотрела на него секунды три, наверное. Может, четыре. За это время он перевернул страницу, промокнул что-то, поставил печать. Печать была большая, деревянная, и когда он её опускал на бумагу, раздавался звук, похожий на то, как если бы кто-то уронил на пол книгу. Глухой. Тяжёлый. Окончательный.

Я хотела закричать. Правда. Я даже открыла рот. Но из него ничего не вышло. Не потому, что я была в шоке. Не потому, что я была парализована страхом. А потому, что я поняла: кричать бессмысленно. Если ты сидишь в очереди, а

за столом скелет, значит, ты либо сошла с ума, либо умерла, либо попала в очень странное место. И в любом из этих вариантов крик не поможет. Крик только привлечёт внимание. А внимание скелета с печатью — это последнее, чего бы я хотела.

Скелет поднял голову. Его глазницы были пустыми, но я почему-то чувствовала, что он на меня смотрит. Внимательно. С легким раздражением.

— Следующий, — сказал он. Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь. — Фамилия, имя, отчество. Причина смерти. Согласие на обработку посмертных данных.

Я посмотрела на него. Потом на стол. На столе лежала стопка бланков. Рядом стояла чернильница. Рядом с чернильницей — чашка с надписью «Лучший сотрудник месяца». На чашке был изображён скелет с галстуком. Тот же самый, что сидел передо мной. Только на чашке он улыбался. Это было странно. У скелета на чашке было больше выражения лица, чем у скелета за столом.

— Я... — сказала я. — Я не знаю.

— Не знаете? — скелет поднял бровь. Точнее, то место, где у нормальных людей была бы бровь. — Как это можно не знать? Вы же умерли. У смерти всегда есть причина. Инфаркт. Инсульт. Несчастный случай. Непредвиденные обстоятельства. Насильственная смерть. Старость. В конце концов, банальное невезение. Выбирайте.

— Я не умерла, — сказала я. — Я патологоанатом.

Скелет посмотрел на меня. Потом на свою книгу. Потом снова на меня.

— Это не причина смерти, — сказал он. — Это профессия. Профессия не может быть причиной смерти. Ну, если вы, конечно, не работали с чем-то радиоактивным. Вы работали с чем-то радиоактивным?

— Нет, — сказала я. — Я работала с трупами.

— С трупами? — скелет оживился. — Это интересно. Вы вскрывали трупы?

— Да, — сказала я. — Это моя работа.

— И вы не боялись?

— Чего? — спросила я.

— Ну, — скелет почесал череп ручкой. — Того, что они могут... ну... встать?

Я посмотрела на него. Потом на его галстук-бабочку. Потом на чашку с надписью «Лучший сотрудник месяца».

— Нет, — сказала я. — Они не встают. Они мёртвые.

— А я? — спросил скелет. — Я встал.

— Вы — другое дело, — сказала я. — Вы — галлюцинация.

Скелет обиделся. Я поняла это по тому, как он отложил ручку и сложил руки на груди. Точнее, на рёбрах. Это выглядело так, будто он пытается обнять сам себя.

— Я не галлюцинация, — сказал он с достоинством. — Я — сотрудник Бюро посмертных услуг. Меня зовут Костя. То есть Константин. Константин Костяков. Это моя фамилия.

Она мне подходит. Я скелет. Костяков. Понятно?

— Понятно, — сказала я.

— Хорошо, — сказал Костя. — Теперь давайте сначала. Фамилия?

— Громик, — сказала я. — Ася. То есть Анна. Анна Сергеевна Громик.

— Громик, — повторил Костя, записывая. — Это не русская фамилия.

— Это белорусская, — сказала я. — И что?

— Ничего, — сказал Костя. — Просто уточняю. У нас тут всякие бывают. Причина смерти?

— Я не знаю, — сказала я.

— Как это вы не знаете? — Костя поднял голову. — Вы же патологоанатом. Вы должны знать, от чего умирают люди.

— Люди — да, — сказала я. — Но я не знаю, от чего умерла я.

— А что вы помните? — спросил Костя.

Я задумалась. Что я помнила? Я помнила морг. Помнила акты. Помнила Толика. Помнила дядю Пашу с его термосом. Помнила конверт с надписью «Причина смерти: будет установлена позже». Помнила, как поскользнулась. Помнила голос, который читал мои данные. А потом — темнота. И вот — очередь. И скелет.

— Я поскользнулась, — сказала я. — На формалине. И упала.

— На формалине? — Костя записал. — Это интересно.

Формалин — это такой... ну... химикат?

— Это раствор, — сказала я. — Для консервации тканей.

— Для консервации? — Костя снова оживился. — Как огурцы?

— Как трупы, — сказала я.

— А, — сказал Костя. — Ну, это логично. Вы работали с трупами. Вы консервировали трупы. Вы поскользнулись на консерванте. И умерли. Это... это очень... символично.

— Символично? — переспросила я. — Я умерла, поскользнувшись на формалине, и это символично?

— Ну, — Костя пожал плечами. Точнее, плечевыми костями. — В каком-то смысле. Вы всю жизнь имели дело со смертью. И смерть пришла к вам через то, с чем вы работали. Это... это как... ну... как если бы пекарь умер от того, что подавился булочкой.

Я посмотрела на него. Потом на чашку. Потом снова на него.

— Вы серьёзно? — спросила я.

— Абсолютно, — сказал Костя. — Я всегда серьёзен. Я же скелет. У меня нет мимики. Я не могу улыбаться. Ну, то есть, могу, но это выглядит странно. Поэтому я стараюсь быть серьёзным. Это производит впечатление.

— Впечатление чего? — спросила я.

— Профессионализма, — сказал Костя. — Я работаю здесь двести лет. За это время я оформил тридцать тысяч дел. Ни одной жалобы. Ну, то есть, жалобы были, но они бы-

ли не по моей части. Жалобы на очереди. На бланки. На то, что ручки не пишут. Но не на меня. Я — профессионал.

— Двести лет? — переспросила я. — Вы работаете здесь двести лет?

— Да, — сказал Костя. — А что?

— И вам не надоело?

Костя задумался. Это было видно по тому, как он постучал пальцем по столу. Точнее, костяшкой. Точнее, фалангой.

— Надоело? — сказал он. — Ну, не знаю. Это работа. Кто-то должен её делать. Мёртвые не могут сами себя оформить. Они же мёртвые. Им нужна помощь. Бумаги. Печати. Всё это.

— А вы... — я помялась. — Вы сами... ну... как вы здесь оказались?

Костя посмотрел на меня. Потом на свою чашку. Потом снова на меня.

— Это долгая история, — сказал он. — Я был бухгалтером. Умер от скуки. Ну, то есть, от инфаркта. Но мне кажется, что скука тоже сыграла свою роль. Я тридцать лет сводил дебет с кредитом. И вот, в один прекрасный день, я свёл что-то не то. И умер. А когда пришёл сюда, мне сказали: «У вас есть опыт работы с бумагами. Хотите работать у нас?» Я сказал: «А что, есть выбор?» Мне сказали: «Нет». И я согласился. И вот я здесь. Двести лет. Оформляю дела. Ставлю печати. Иногда пью чай. Ну, то есть, делаю вид, что пью. Я же скелет. Я не могу пить. Но чашка создаёт атмосферу.

Я посмотрела на чашку. Потом на Костю. Потом снова на чашку.

— Атмосферу, — повторила я.

— Да, — сказал Костя. — Атмосферу. Уют. Ощущение, что ты не просто скелет в очереди, а сотрудник. С чашкой. С галстуком. С очками. Это важно. Это создаёт... как это называется... корпоративную культуру.

Я хотела что-то сказать, но в этот момент дверь в кабинет распахнулась. Точнее, не дверь. Двери не было. Был проём. В проёме стоял человек. Молодой. Лет двадцати пяти. В мантии. С растрёпанными волосами. С пятном от чего-то зелёного на щеке. Он смотрел на меня так, будто я была привидением. Хотя, судя по всему, привидением здесь был он.

— Вы! — воскликнул он. — Вы здесь! Я так и знал! Я так и знал, что вы здесь!

Я посмотрела на него. Потом на Костю. Костя вздохнул. Точнее, сделал вид, что вздохнул. У него же не было лёгких.

— Мортимер, — сказал Костя. — Сколько раз я тебе говорил: не врывайся в кабинет без стука. У меня приём. У меня очередь. У меня... — он посмотрел на меня. — Ну, то есть, у меня один человек в очереди. Но это не значит, что можно врываться.

— Простите, — сказал Мортимер. — Я просто... я так волновался. Я думал, что она... что вы... — он посмотрел на меня. — Вы не сердитесь?

— Я ещё не решила, — сказала я. — Сначала объясните,

кто вы и что происходит.

Мортимер вошёл в кабинет. Точнее, вплыл. Я не знаю, как это описать. Он двигался так, будто его ноги не совсем понимали, куда идти. Он подошёл к столу. Посмотрел на Костю. Потом на меня. Потом снова на Костю.

— Это... — сказал он. — Это я. Я её призвал.

Костя посмотрел на него. Потом на меня. Потом снова на него.

— Ты её призвал? — переспросил Костя.

— Да, — сказал Мортимер. — Я хотел призвать скелета-уборщика. Ну, знаете, такого, который убирает в лаборатории. Я думал, что это будет просто. Скелет. Уборщик. Ничего сложного. Но я... ну... я перепутал заклинание. И призвал её.

— Её? — Костя посмотрел на меня. — То есть, живого человека?

— Она не живая, — сказал Мортимер. — Она... ну... она где-то посередине.

— Посередине? — переспросила я. — Что значит «посередине»?

Мортимер посмотрел на меня. В его глазах было что-то среднее между ужасом и восхищением.

— Вы... — сказал он. — Вы не совсем мёртвая. Но и не совсем живая. Вы... как бы это сказать... вы застряли.

— Застряла? — переспросила я. — Где?

— Между мирами, — сказал Мортимер. — Ну, то есть,

между жизнью и смертью. Это... это редко бывает. Обычно, когда человек умирает, он либо уходит в мир мёртвых, либо остаётся призраком. Но вы... вы не ушли. И не остались. Вы просто... застряли. В очереди.

Я посмотрела на Костю. Костя посмотрел на меня. Потом на свою книгу. Потом снова на меня.

— Это проблема, — сказал он. — У нас нет бланка для «застрявших».

— Нет бланка? — переспросила я.

— Нет, — сказал Костя. — У нас есть бланк для мёртвых. Есть бланк для призраков. Есть бланк для живых, которые случайно попали в мир мёртвых. Но для «застрявших» — нет. Это... это не предусмотрено.

— И что теперь? — спросила я.

— Не знаю, — сказал Костя. — Я же не начальник. Я просто оформляю бумаги. Если нет бумаги, я не могу оформить. А если я не могу оформить, то вы не можете уйти. А если вы не можете уйти, то вы остаётесь здесь. Навсегда.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось. Не страх. Что-то другое. Что-то более неприятное. Ощущение, что ты попал в ловушку. Как будто ты стоишь в очереди в поликлинике, и очередь не двигается, потому что врач ушёл на обед, а обед длится вечность.

— Навсегда? — переспросила я.

— Ну, — Костя пожал плечами. — Может, не навсегда. Может, кто-то что-то придумает. Но я — не кто-то. Я — Ко-

стя. Я оформляю бумаги. Я не решаю проблемы.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер смотрел на меня. В его глазах было столько вины, что мне стало его жалко. Ну, то есть, почти жалко.

— Это вы во всём виноваты, — сказала я.

— Я знаю, — сказал Мортимер. — Я очень сожалею. Я не хотел. Я просто... я хотел убраться в лаборатории. А теперь... теперь вы здесь. И я не знаю, как это исправить.

— А кто знает? — спросила я.

Мортимер задумался. Потом посмотрел на Костю. Костя посмотрел на Мортимера. Потом снова на меня.

— Есть один человек, — сказал Мортимер. — Точнее, не человек. Существо. Пожиратель Отчётов. Он живёт в подвале. Он ест документы. И он... ну... он может решать проблемы. Если его попросить. И если он не голоден.

— Пожиратель Отчётов? — переспросила я. — Это кто?

— Это... — Мортимер помялся. — Это червь. Большой червь. Он живёт в Архиве. Он ест бумаги. И он... ну... он не очень разговорчив. Но он может помочь. Наверное.

— Наверное? — переспросила я.

— Ну, — сказал Мортимер. — Он не очень предсказуемый. Иногда он помогает. Иногда он ест. Иногда он помогает есть. Это... это сложно.

Я посмотрела на Костю. Костя посмотрел на меня. Потом на свою чашку. Потом снова на меня.

— Я бы на вашем месте не ходил к Пожирателю, — сказал

Костя. — Он... ну... он не очень вежливый. И он ест всё. Не только бумаги. Он ест... ну... всё, что плохо лежит.

— А я плохо лежу? — спросила я.

— Вы сидите, — сказал Костя. — Но это не значит, что вы хорошо лежите. В смысле, вы можете плохо лечь. Если он вас съест.

Я задумалась. Ситуация была дурацкой. Я умерла, попала в очередь, где скелет оформляет бумаги, а какой-то некромант-недоучка призвал меня вместо уборщика. И теперь, чтобы уйти, мне нужно найти какого-то червя, который ест документы, и попросить его о помощи. И этот червь, возможно, захочет съесть меня.

— А есть другой выход? — спросила я.

— Ну, — сказал Мортимер. — Есть пограничная контора. Там можно получить визу на смерть. Но для этого нужно... ну... быть мёртвым. Официально. А вы... вы не официально. Вы... застрявшая.

— И что мне делать? — спросила я.

— Не знаю, — сказал Мортимер. — Но я могу вам помочь. Я... я чувствую ответственность. Это я вас призвал. Я должен помочь.

— Вы должны? — переспросила я. — Вы должны были призвать уборщика. Но вы призвали меня. И теперь вы «должны» помочь? Это как-то... не очень логично.

— Логика — это не моё, — сказал Мортимер. — Я некромант. Я работаю с мёртвыми. Логика — для живых.

Я вздохнула. Это был долгий, тяжёлый вздох. Такой, какой бывает, когда ты понимаешь, что попал в очень странную ситуацию и выхода из неё не видно.

— Ладно, — сказала я. — Где этот ваш Пожиратель?

Мортимер просиял. Точнее, его лицо просияло. Точнее, пятно на его щеке стало чуть менее заметным.

— Я вас провожу! — сказал он. — Это в подвале. Там темно. Но я взял фонарик. Ну, то есть, я взял палочку. Она светится. Ну, то есть, она должна светиться. Иногда.

— Иногда? — переспросила я.

— Ну, — сказал Мортимер. — Она светится, когда я не нервничаю. А я всегда нервничаю. Так что... она светится не всегда.

Я посмотрела на Костю. Костя посмотрел на меня. Потом на свою чашку. Потом снова на меня.

— Удачи, — сказал он. — Вам она понадобится.

— Спасибо, — сказала я. — Вы очень... поддерживаете.

— Я стараюсь, — сказал Костя. — Это моя работа. Поддерживать. Ну, то есть, оформлять бумаги. А поддержка — это... бонус.

Я встала. Ноги были ватными. Как будто я просидела на этом стуле не полчаса, а неделю. Мортимер подал мне руку. Я посмотрела на его руку. Потом на него.

— Я сама, — сказала я.

— Конечно, — сказал он. — Извините. Я просто... я хотел помочь.

— Вы уже помогли, — сказала я. — Вы призвали меня. Это была помощь. Своеобразная.

Мортимер опустил руку. Вид у него был несчастный. Мне даже стало его немного жалко. Ну, то есть, не очень. Но немного.

— Пойдёмте, — сказал он. — Я покажу дорогу.

Мы вышли из кабинета. Коридор был длинный, с серыми стенами и тусклыми лампами. На стенах висели плакаты. «Соблюдайте очередь». «Не шумите». «Улыбайтесь — вас снимают». Последний плакат был особенно странным, потому что на нём был изображён скелет, который пытался улыбаться. Получалось у него плохо.

— А куда мы идём? — спросила я.

— В подвал, — сказал Мортимер. — Там Архив. Там живёт Пожиратель.

— А он... — я помялась. — Он опасен?

— Ну, — сказал Мортимер. — Он ест бумаги. Но если он голоден, он может съесть что-то другое. Например, папку. Или стол. Или... ну... вас.

— Меня? — переспросила я.

— Не волнуйтесь, — сказал Мортимер. — Я вас защищу.

Я посмотрела на него. На его мантию. На пятно на щеке. На палочку, которая не светилась.

— Как? — спросила я.

— Ну, — сказал Мортимер. — Я... я знаю заклинание. Одно. Оно называется «Отвлекающий отчёт». Я кидаю в него

бумажку, он отвлекается, а мы убегаем.

— А если он не отвлечётся? — спросила я.

— Тогда мы... — Мортимер помялся. — Тогда мы бежим быстрее.

Я вздохнула. Этот вздох был ещё тяжелее предыдущего. Я чувствовала, что этот день — или что это было — будет долгим. Очень долгим. И что Бублик, скорее всего, уже сожрал цветок. И что я, возможно, никогда не вернусь домой. И что это, наверное, худший день в моей жизни. Ну, то есть, в моей смерти. Ну, то есть, в моей не-жизни.

Мы шли по коридору. Мортимер что-то бормотал себе под нос. Я не слушала. Я думала о Бублике. О том, что он, наверное, сидит на подоконнике и смотрит на дверь. И ждёт. И не понимает, почему я не прихожу. И что я, возможно, никогда не приду. И что он останется один. С пустой миской. С сухим цветком. С воспоминанием о женщине, которая его кормила.

— Ася, — сказал Мортимер. — Вы плачете?

— Нет, — сказала я. — У меня аллергия.

— На что? — спросил он.

— На всё, — сказала я. — На глупость. На несправедливость. На то, что я умерла, поскользнувшись на формалине, и попала в очередь, где скелет оформляет бумаги.

— А, — сказал Мортимер. — Это... это понятно. Это... это грустно.

— Спасибо, — сказала я. — Вы очень... поддерживаете.

— Я стараюсь, — сказал Мортимер. — Это моя... ну... это не работа. Это... это долг. Я должен помочь. Потому что это я вас призвал.

Мы дошли до двери в конце коридора. На двери была надпись: «Архив. Посторонним вход воспрещён. Пожиратель Отчётов. Не кормить. Не будить. Не смотреть в глаза». Я посмотрела на Мортимера.

— Не смотреть в глаза? — переспросила я. — У него есть глаза?

— Ну, — сказал Мортимер. — Не совсем глаза. Но что-то похожее. Он... ну... он смотрит. Но не глазами. А... ну... всем телом. Он как бы... вибрирует. И ты чувствуешь, что он тебя видит. И это... это неприятно.

— Неприятно? — переспросила я.

— Очень, — сказал Мортимер. — Очень неприятно. Но не смертельно. Ну, то есть, не всегда смертельно.

Я вздохнула в третий раз. Этот вздох был самым тяжёлым. Я чувствовала, что если вздохну ещё раз, то просто упаду.

— Ладно, — сказала я. — Открывайте.

Мортимер открыл дверь. За ней была лестница. Тёмная. Сырая. С запахом, который я не могла описать. Что-то между плесенью и старыми книгами. И ещё что-то. Что-то живое. Что-то, что дышало. Или делало вид, что дышит.

— После вас, — сказал Мортимер.

— Нет, — сказала я. — После вас. Вы здесь работаете. Вы знаете дорогу.

— Я... — Мортимер помялся. — Я не очень хорошо знаю дорогу. Я здесь недавно. Я... я вообще здесь случайно. Я хотел быть целителем. Но у меня не получилось. И я стал некромантом. А некроманты... ну... мы не очень хорошо ориентируемся в подвалах.

— А в чём вы хорошо ориентируетесь? — спросила я.

— В... — Мортимер задумался. — В... ну... в заклинаниях. Немного. И в... ну... в скелетах. Я знаю, как их собирать. Ну, то есть, как соединять кости. Это... это моя специализация.

— Скелеты, — сказала я. — Это... это прекрасно. Просто прекрасно. Я умерла, и теперь меня ведёт в подвал некромант, который специализируется на скелетах. И у него есть палочка, которая не светится. И он не знает дорогу. И он боится Пожирателя. И он... — я замолчала. Потому что поняла, что кричу.

Мортимер смотрел на меня. В его глазах был ужас. И что-то ещё. Что-то похожее на восхищение.

— Вы... — сказал он. — Вы очень... выразительная.

— Спасибо, — сказала я. — Это от стресса.

Я начала спускаться по лестнице. Мортимер пошёл за мной. Лестница была узкая, тёмная, и я несколько раз чуть не упала. Мортимер пытался меня поймать, но каждый раз промахивался. В конце концов я сказала:

— Мортимер, не надо меня ловить. Я сама упаду, если захочу.

— Но я... — начал он.

— Не надо, — сказала я. — Просто идите рядом. И не трогайте меня. Пожалуйста.

— Хорошо, — сказал он. — Извините.

Мы дошли до подвала. Это было большое помещение, заставленное стеллажами. На стеллажах лежали папки. Много папок. Тысячи. Может, миллионы. Они светились тусклым зелёным светом. Как будто внутри каждой был маленький светлячок. Я посмотрела на одну из них. На ней было написано: «Дело № 174 853. Петров Иван Сергеевич. Причина смерти: неосторожное обращение с вилкой».

— Вилка? — переспросила я.

— Да, — сказал Мортимер. — Он подавился вилкой. Ну, то есть, он пытался съесть вилку. Ну, то есть, он был пьян и думал, что это макароны. И... ну... он умер.

— От вилки? — переспросила я.

— От неосторожного обращения с вилкой, — сказал Мортимер. — Это официальная формулировка.

Я посмотрела на папку. Потом на Мортимера. Потом снова на папку.

— Люди умирают от вилок? — спросила я.

— Люди умирают от всего, — сказал Мортимер. — От вилок. От ложек. От бумаги. От скуки. От любви. От страха. От смеха. Один человек умер от смеха. Он смотрел комедию и смеялся так сильно, что у него остановилось сердце. Это... это было в прошлом году. Его дело до сих пор в архиве. Потому что никто не может поверить, что это правда.

— От смеха, — повторила я. — Ну, по крайней мере, это лучше, чем от вилки.

— Не знаю, — сказал Мортимер. — Смех — это... это не очень достойно. Вилка — это... это хотя бы предмет. А смех — это... это эмоция. Умереть от эмоции — это... это странно.

— А умереть от формалина? — спросила я. — Это странно?

Мортимер посмотрел на меня. Потом на папки. Потом снова на меня.

— Это... — сказал он. — Это очень странно. Но... но не невозможно. Формалин — это... это химикат. А химикаты... ну... они могут убивать. Если с ними неосторожно обращаться.

— Я не неосторожно, — сказала я. — Я просто поскользнулась.

— Ну, — сказал Мортимер. — Это... это тоже неосторожность. В каком-то смысле.

Я хотела что-то сказать, но в этот момент что-то шевельнулось в темноте. Что-то большое. Что-то тяжёлое. Что-то, что издавало звук, похожий на то, как если бы кто-то жевал очень большую бумагу. Или очень маленького человека.

— Это он, — прошептал Мортимер. — Пожиратель.

Я посмотрела в темноту. Сначала я ничего не увидела. Потом увидела. Что-то большое. Что-то длинное. Что-то, что извивалось между стеллажами. Это был червь. Гигантский червь. Он был покрыт чем-то, что напоминало чешую. Или

бумагу. Или чешуйчатую бумагу. У него не было глаз. Но я чувствовала, что он смотрит. Всем телом. Как и говорил Мортимер.

— Здравствуйте, — сказала я. — Меня зовут Ася. Я... я застряла. И мне нужна помощь.

Червь остановился. Он повернулся ко мне. Точнее, он повернул к мне ту часть, где у нормальных червей была бы голова. И издал звук. Что-то между шипением и вздохом. И потом... он заговорил. Голос у него был низкий, скрипучий, как будто кто-то водил ногтем по бумаге.

— Застряла? — сказал он. — Это... это интересно. Я не ел «застрявших». Это... это новый вкус.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер посмотрел на меня. Потом на червя. Потом снова на меня.

— Он... — прошептал Мортимер. — Он хочет вас съесть.

— Я поняла, — сказала я.

— Что делать? — спросил Мортимер.

— Не знаю, — сказала я. — Вы же некромант. Придумайте что-нибудь.

— Я... — Мортимер помялся. — Я могу кинуть в него бумажку. Ну, то есть, отчёт. Он отвлечётся. А мы... ну... мы убежим.

— Убежим? — переспросила я. — Куда?

— Не знаю, — сказал Мортимер. — Но подальше отсюда.

Я посмотрела на червя. Червь смотрел на меня. Ну, то есть, он смотрел всем телом. И это было очень неприятно.

Как будто ты стоишь голая перед толпой. Только хуже. Потому что толпа — это люди. А это — червь. Гигантский червь. Который хочет тебя съесть.

— Уважаемый Пожиратель, — сказала я. — Я не еда. Я патологоанатом. Я работаю с трупами. Я могу быть полезной. Я могу... ну... я могу написать отчёт. О чём угодно. О любом трупе. О любой смерти. Я могу сделать так, чтобы бумаги были в порядке.

Червь замер. Потом наклонил голову. Точнее, ту часть, где у нормальных червей была бы голова.

— Отчёт? — сказал он. — Ты можешь написать отчёт?

— Да, — сказала я. — Я делала это пять лет. Каждый день. Я знаю все формулировки. Все стандарты. Все требования. Я могу написать отчёт о чём угодно. О смерти. О жизни. О вилке. О формалине. О чём хочешь.

Червь задумался. Это было видно по тому, как он перестал извиваться. Он просто лежал и смотрел. Ну, то есть, вибрировал.

— А ты можешь написать отчёт о моей смерти? — спросил он.

— О твоей смерти? — переспросила я. — Ты... ты умер?

— Я не умер, — сказал червь. — Я просто... я не знаю, кто я. Я не знаю, откуда я. Я не знаю, зачем я. И у меня нет документов. Я... я никто. И это... это очень неприятно. Я хочу, чтобы у меня был отчёт. Чтобы у меня была причина. Чтобы у меня было... ну... имя.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер посмотрел на меня. В его глазах было что-то новое. Надежда.

— Я могу написать тебе отчёт, — сказала я. — Но мне нужно знать хоть что-то. Хоть какую-то зацепку. Где ты жил? Что ты ел? Как ты сюда попал?

Червь задумался. Потом сказал:

— Я ел бумаги. Много бумаг. Я жил в архиве. Я не помню, откуда я. Я помню только вкус. Бумага была... разной. Некоторые бумаги были сладкими. Некоторые — горькими. Некоторые — солёными. Я ел их все. И я... я не знаю, зачем. Я просто... я просто ел.

— Это уже что-то, — сказала я. — Это... это начало. Я могу написать отчёт о том, что ты — Пожиратель Отчётов. Что ты живёшь в архиве. Что ты ешь бумаги. Это... это будет твоя история. Твоя причина. Твоё... ну... твоё имя.

Червь замер. Потом медленно, очень медленно, он начал вибрировать. Это была не угроза. Это было что-то другое. Что-то похожее на... радость?

— Ты... — сказал он. — Ты дашь мне имя?

— Я дам тебе отчёт, — сказала я. — А имя... ну... имя ты можешь выбрать сам. Или я могу придумать. Но это будет не официально. Это будет... ну... как бы... неофициально.

— Неофициально, — повторил червь. — Это... это лучше, чем ничего. Это... это гораздо лучше, чем ничего.

Он посмотрел на меня. Ну, то есть, он снова завибрировал. И в этой вибрации было что-то, что я не могла описать.

Что-то похожее на благодарность.

— Я согласен, — сказал он. — Напиши мне отчёт. И я... я помогу тебе. Я не буду тебя есть. Я... я даже не буду тебя кусать. Я просто... я просто помогу.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер смотрел на меня. Его рот был открыт. Глаза были круглыми. Он был похож на человека, который только что увидел, как кто-то приручил дракона при помощи канцелярской скрепки.

— Вы... — сказал он. — Вы... вы просто... вы невероятная.

— Я знаю, — сказала я. — Но давайте сначала закончим с отчётом. А потом я хочу домой. К коту. К Бублику. И к нормальной жизни. Ну, то есть, к нормальной смерти. Ну, то есть... — я замолчала. Потому что поняла, что запуталась.

Мортимер улыбнулся. Первый раз за всё время. Улыбка у него была кривая, но искренняя.

— Я помогу вам, — сказал он. — Я обещаю.

Я посмотрела на него. Потом на червя. Потом на папки. Потом на чашку, которая стояла на одном из стеллажей. На чашке было написано: «Лучший Пожиратель месяца». Я вздохнула. Четвёртый раз за этот день.

— Ладно, — сказала я. — Давайте начнём. Но сначала... — я посмотрела на Мортимера. — Скажите, у вас есть бумага? И ручка? Мне нужно написать отчёт. И я хочу, чтобы он был идеальным. Потому что если я умру... ну, то есть, если я окончательно умру... я хочу, чтобы обо мне помнили. Как о патологоанатоме, который написал отчёт для червя. И,

возможно, спас себя. Ну, то есть, свою смерть. Ну, то есть... — я снова замолчала.

— Я понял, — сказал Мортимер. — Я всё понял. Я принесу бумагу. И ручку. И... и чаю. У меня есть чай. Ну, то есть, не у меня. У Кости. Но я могу попросить.

— Попросите, — сказала я. — И ещё... — я посмотрела на червя. — Как вас называть? Ну, то есть, для отчёта. Я не могу написать «Пожиратель Отчётов». Это... это слишком официально. Это как если бы меня называли «Женщина с формалином». Мне нужно что-то... ну... более человеческое.

Червь задумался. Потом сказал:

— Я не знаю. Я никогда не думал об имени. Я просто... я просто ел.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда я буду называть вас... — я задумалась. — Я буду называть вас «Архивариус». Потому что вы живёте в архиве. И вы... ну... вы храните бумаги. В каком-то смысле. Ну, то есть, вы их едите. Но это тоже... это тоже способ хранения. Своеобразный.

— Архивариус, — повторил червь. — Это... это звучит... солидно. Это... это звучит как... как должность. У меня никогда не было должности. У меня никогда не было имени. У меня никогда не было... ничего. А теперь... теперь у меня есть Архивариус. И отчёт. И... и чашка? — он посмотрел на чашку с надписью «Лучший Пожиратель месяца».

— Чашка будет, — сказала я. — Но сначала отчёт. А потом... потом мы посмотрим. Может быть, я даже смогу вер-

нуться домой. И покормить кота. И... — я замолчала. Потому что поняла, что говорю о доме так, будто это что-то реальное. Будто это не сон. Будто это не смерть. Будто это не конец.

Мортимер смотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не ожидала. Уважение. Настоящее. Не притворное.

— Вы... — сказал он. — Вы очень сильная. Я бы на вашем месте... я бы уже плакал. Или кричал. Или... ну... я не знаю. Я бы точно не стал писать отчёт для червя.

— Я не сильная, — сказала я. — Я просто... я просто устала. И я хочу домой. И я не хочу, чтобы меня съели. Это... это не сила. Это... это инстинкт.

— Нет, — сказал Мортимер. — Это сила. Настоящая. Я... я восхищаюсь вами.

Я посмотрела на него. Потом на червя. Потом на папки. Потом снова на него.

— Спасибо, — сказала я. — Но давайте не будем отвлекаться. У нас есть отчёт. И у нас есть... — я посмотрела на Архивариуса. — У нас есть Архивариус. И у нас есть... — я посмотрела на лестницу. — У нас есть выход. Наверное. Где-то там. В конце.

Мортимер кивнул. Архивариус медленно, очень медленно, начал отползать в сторону. Он освобождал дорогу. Это было... это было странно. Но приятно.

— Я буду ждать, — сказал он. — Я буду ждать отчёт. И... и имя. И... и чашку. Я... я никогда не думал, что у меня бу-

дет чашка. Это... это очень... очень... — он не нашёл слова. Просто замолчал и снова начал вибрировать.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер посмотрел на меня. Потом мы оба посмотрели на лестницу. Наверх. Где был свет. Где была очередь. Где был Костя с его чашкой и печатью. Где была... ну... не жизнь. Но что-то. Что-то, что было лучше, чем подвал с червём.

— Пойдёмте, — сказала я. — У нас много работы. И мало времени. И... — я посмотрела на Архивариуса. — И один голодный червь. Который ждёт отчёт.

— А вы... — Мортимер помялся. — Вы правда думаете, что мы сможем? Ну... вернуть вас? Ну... туда? К коту?

— Не знаю, — сказала я. — Но я собираюсь попробовать. Потому что Бублик ждёт. И потому что я не хочу, чтобы моя смерть была бессмысленной. И потому что... — я посмотрела на Архивариуса. — Потому что даже червь заслуживает отчёта. А значит, и я заслуживаю. Значит, и все заслуживают. Даже если они умерли. Даже если они застряли. Даже если они просто... просто в очереди.

Мортимер улыбнулся. На этот раз улыбка была не кривая. Она была... настоящая.

— Я помогу вам, — сказал он. — Я не знаю как. Но я помогу. Это... это моя вина. И я её исправлю. Обещаю.

Я посмотрела на него. Потом на червя. Потом на папки. Потом на чашку. И вдруг, неожиданно для себя, я улыбнулась. Первый раз за всё время. Первый раз с того момента,

как поскользнулась на формалине.

— Ладно, — сказала я. — Давайте начнём. Но сначала... — я посмотрела на Мортимера. — Вы сказали, у вас есть чай?

— Да, — сказал Мортимер. — У Кости. Но он... он не очень хороший. Он... ну... он с травами. И он... он холодный. Потому что Костя не может пить. И не может греть. Потому что он скелет. И у него нет... ну... нет тела. Которое греет.

— Холодный чай, — сказала я. — Это... это лучше, чем ничего. Это... это как... как жизнь. Ну, то есть, смерть. Ну, то есть... — я снова запуталась.

— Я понял, — сказал Мортимер. — Я всё понял. Я принесу чай. И бумагу. И ручку. И... и всё остальное. Я обещаю.

Он побежал наверх. Я осталась стоять в подвале. С червём. С папками. С запахом старой бумаги. И с мыслью о том, что, возможно, это не конец. Возможно, это только начало. Возможно, я смогу вернуться. Возможно, я смогу покормить Бублика. Возможно...

Я посмотрела на Архивариуса. Он смотрел на меня. Ну, то есть, вибрировал.

— Архивариус, — сказала я. — А ты... ты знаешь, где здесь выход?

— Выход? — переспросил он. — Выход есть везде. Если знать, где искать. Но... — он помялся. — Но я не знаю, где искать. Я... я никогда не выходил. Я всегда был здесь. В архиве. С бумагами. С... с едой.

— А если я найду выход? — спросила я. — Ты пойдёшь со мной?

Архивариус замер. Потом медленно, очень медленно, он начал вибрировать. Это была не угроза. Это было... удивление.

— Я... — сказал он. — Я никогда не думал, что кто-то предложит мне выйти. Я... я всегда думал, что я... что я часть архива. Что я... что я просто... просто червь. Который ест бумаги. И ничего больше.

— Ты не просто червь, — сказала я. — Ты Архивариус. У тебя есть имя. У тебя будет отчёт. У тебя будет чашка. И... — я помялась. — И, возможно, у тебя будет выход. Если ты захочешь.

Архивариус молчал. Потом сказал:

— Я... я не знаю. Я... я боюсь. Я никогда не был снаружи. Я не знаю, что там. Я не знаю, что делать. Я... я просто... я просто ем бумаги. Это... это всё, что я умею.

— Этого достаточно, — сказала я. — Для начала. А потом... потом мы что-нибудь придумаем. Я... я тоже не знаю, что делать. Я умерла. Я застряла. Я в очереди. Но я... я не сдаюсь. И ты не сдавайся. Хорошо?

Архивариус замер. Потом медленно, очень медленно, он кивнул. Точнее, он сделал движение, которое отдалённо напоминало кивок. И это было... это было что-то. Что-то важное. Что-то, что я не могла описать словами.

Я посмотрела на лестницу. Мортимер уже спускался. С

бумагой. С ручкой. С чашкой. С чаем. С чем-то ещё. С чем-то, что светилось. Ну, то есть, палочка. Которая всё-таки светилась. Немного. Но светилась.

— Я всё принёс! — сказал он. — И чай. И бумагу. И ручку. И... и ещё одну ручку. На всякий случай. Если первая не будет писать. Потому что первая... она... ну... она иногда не пишет. Она... она капризная.

— Спасибо, — сказала я. — Вы... вы очень... предусмотрительный.

— Я стараюсь, — сказал Мортимер. — Это... это моя... ну... это не работа. Это... это долг. Я должен помочь. Потому что это я вас призвал. И потому что... — он помялся. — И потому что вы... вы хорошая. Ну, то есть, вы... вы не кричите. Ну, то есть, вы кричали. Но не очень сильно. И вы... вы помогаете червю. Это... это очень... очень... — он не нашёл слова. Просто замолчал и посмотрел на меня.

Я взяла бумагу. Взяла ручку. Посмотрела на Архивариуса. Потом на Мортимера. Потом на чашку.

— Ладно, — сказала я. — Давайте начнём. Но сначала... — я посмотрела на Мортимера. — Скажите, у вас есть стул? Я не могу писать стоя. Это... это неудобно. И... и у меня ноги устали. От очереди. От подвала. От... от всего.

— Сейчас! — сказал Мортимер. — Я принесу! Я... я быстро!

Он убежал. Я осталась стоять. С бумагой. С ручкой. С червём. С папками. И с мыслью о том, что, возможно, это не ко-

нец. Возможно, это только начало. Возможно, я смогу вернуться домой. И покормить Бублика. И... и всё будет хорошо. Ну, то есть, не хорошо. Но... но нормально. Ну, то есть... — я снова запуталась. И вздохнула. Пятый раз за этот день. Или ночь. Или что это было.

Я посмотрела на Архивариуса. Он смотрел на меня. Ну, то есть, вибрировал. И в этой вибрации было что-то, что я не могла описать. Что-то похожее на... надежду.

— Архивариус, — сказала я. — А ты... ты знаешь, что такое надежда?

Архивариус замер. Потом сказал:

— Нет. Я... я никогда не думал об этом. Я... я просто ел бумаги. И... и всё.

— Надежда, — сказала я, — это когда ты думаешь, что что-то может быть лучше. Даже если сейчас всё плохо. Даже если ты в подвале. Даже если ты червь. Даже если ты умер. Это... это когда ты думаешь, что завтра будет лучше. Или послезавтра. Или... или когда-нибудь.

Архивариус молчал. Потом сказал:

— Я... я не знаю. Я... я никогда не думал о завтра. Я... я думал только о бумагах. О еде. О... о том, что я буду есть сегодня. И... и всё.

— А теперь? — спросила я.

— А теперь... — Архивариус задумался. — А теперь я думаю о... о отчёте. О... о чашке. О... о имени. И... и о том, что... что, может быть, завтра... завтра будет... будет что-то другое.

Что-то... что-то новое. Что-то... что-то, чего я не знаю. И... и это... это страшно. Но... но и... и интересно. Ну, то есть... — он помялся. — Ну, то есть... да.

Я улыбнулась. На этот раз улыбка была не кривая. Она была... настоящая. Первая настоящая улыбка за весь этот день. Или ночь. Или что это было.

— Вот, — сказала я. — Это и есть надежда. Ты только что её почувствовал. И это... это хорошо. Это... это очень хорошо.

Архивариус замер. Потом медленно, очень медленно, он начал вибрировать. И в этой вибрации было что-то новое. Что-то, чего я раньше не слышала. Что-то похожее на... смех. Точнее, на то, как мог бы смеяться червь, если бы умел. И это было... это было странно. Но приятно.

Мортимер вернулся. С стулом. С ещё одной чашкой. С ещё одной ручкой. С ещё одной бумагой. С чем-то ещё, что он держал в руках и что, кажется, было печеньем.

— Я всё принёс! — сказал он. — И стул. И печенье. Ну, то есть, это не печенье. Это... это галеты. Но они... они похожи на печенье. И они... они не очень вкусные. Но... но это лучше, чем ничего.

— Спасибо, — сказала я. — Вы... вы очень... заботливый.

— Я стараюсь, — сказал Мортимер. — Это... это моя... ну... это не работа. Это... это... — он замолчал. Потом посмотрел на меня. Потом на Архивариуса. Потом снова на меня. — Ася, — сказал он. — Я... я хочу вам кое-что сказать.

Это... это важно. И это... это не очень приятно. Но... но я должен.

Я посмотрела на него. В его глазах было что-то новое. Что-то, что я не видела раньше. Что-то похожее на... страх. Но не тот страх, который был раньше. Другой. Более глубокий.

— Что? — спросила я.

— Я... — Мортимер сглотнул. — Я не уверен, что вы сможете вернуться. Ну, то есть... я не уверен, что это возможно. Я... я читал книги. Много книг. О некромантии. О жизни и смерти. О... о границах. И... и там написано, что... что «застрявшие»... они... они не могут вернуться. Они... они остаются между мирами. Навсегда. И... и я не знаю, как это исправить. Я... я не знаю, есть ли способ. Я... я просто... я просто хотел, чтобы вы знали. Чтобы вы не... не надеялись зря.

Я посмотрела на него. Потом на Архивариуса. Потом на бумагу. Потом на чашку. Потом снова на него.

— Мортимер, — сказала я. — Вы... вы очень... честный. Это... это хорошо. Это... это редкость. Но... — я помялась. — Но вы не правы. Надежда — это не зря. Надежда — это... это то, что заставляет нас двигаться. Даже если мы не знаем, куда. Даже если мы не знаем, зачем. Даже если мы... даже если мы умерли. И застряли. И... и всё остальное.

Мортимер смотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не ожидала. Слёзы. Настоящие. Не притворные.

— Вы... — сказал он. — Вы... вы невероятная. Я... я не

знаю, что ещё сказать. Я... я просто... я просто хочу помочь. Правда. Я... я сделаю всё, что смогу. Всё. Даже если это невозможно. Даже если... даже если это безнадёжно.

— Вот, — сказала я. — Это и есть надежда. Ты только что её почувствовал. И это... это хорошо. Это... это очень хорошо.

Я села на стул. Взяла бумагу. Взяла ручку. Посмотрела на Архивариуса. Потом на Мортимера. Потом на чашку. И начала писать.

«Отчёт о Пожирателе Отчётов, также известном как Архивариус. Составлен патологоанатомом Анной Сергеевной Громик. Причина составления: необходимость идентификации и документирования существа, обитающего в Архиве Бюро посмертных услуг...»

Я писала. Мортимер стоял рядом и смотрел. Архивариус вибрировал. Папки светились. Чай остывал. И где-то там, наверху, в мире живых, Бублик, наверное, сидел на подоконнике и смотрел на дверь. И ждал. И не понимал, почему я не прихожу. И я писала. Потому что это было всё, что я могла сделать. Потому что это было лучше, чем ничего. Потому что это было... надеждой.

Глава 2. «Пожиратель Отчётов обедает в час»

Я писала отчёт двадцать три минуты. Я засекала. Не потому, что мне было интересно, сколько времени занимает составление документа на гигантского червя, а потому, что у меня была привычка: каждый отчёт, каждое заключение, каждый акт я начинала с отметки времени. Это помогало потом, когда главврач спрашивал: «Громик, почему вы возились с этим телом четыре часа?» Я открывала журнал и говорила: «Потому что в тринадцать сорок пять у меня был перерыв на кофе, а в четырнадцать двадцать я заполняла акт списания, который вы потеряли». Главврач замолкал. Главврач не любил, когда ему напоминали о потерянных актах.

Здесь, в подвале, кофе не было. Был чай — холодный, с травами, от которых немного першило в горле. Был стул — шаткий, с одной ножкой короче остальных. Была бумага — тонкая, серая, с водяными знаками в виде черепов. Я сначала подумала, что это шутка, но потом присмотрелась: черепа были настоящие. То есть, нарисованные, но с анатомической точностью. Кто-то явно знал, как выглядит человеческий череп. Я даже поймала себя на том, что оцениваю правильность пропорций.

— У вас тут неплохой художник, — сказала я, поднимая

лист к свету.

Мортимер вздрогнул. Он стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу, как студент на первой практике.

— Это не художник, — сказал он. — Это... это оттиск. Настоящий. Ну, то есть, не настоящий череп, а... форма. Слепок. Их делают в типографии. Там работают... ну... скелеты. Они используют свои... ну... свои головы. Как штампы.

Я посмотрела на лист. Потом на Мортимера. Потом снова на лист.

— То есть, — сказала я медленно, — эта бумага отпечатана черепами?

— Ну, не совсем отпечатана, — сказал Мортимер. — Скорее, благословлена. Это... это традиция. Считается, что бумага, благословлённая черепом, лучше хранится. И... и не мнётся. Ну, то есть, мнётся, но... но не так сильно.

— А черепа не возражают? — спросила я.

— Они... — Мортимер помялся. — Они не могут возразить. Они же черепа. У них нет... ну... нет рта. Ну, то есть, есть, но... но он не работает. Ну, то есть, работает, но... но не для возражений.

Я вздохнула и вернулась к отчёту. «Причина составления: необходимость идентификации и документирования существа, обитающего в Архиве Бюро посмертных услуг». Я перечитала фразу. Она была сухой, официальной и абсолютно ничего не говорила о том, что происходило здесь на самом деле. А происходило вот что: я сидела на шатком сту-

ле в подвале, заставленном светящимися папками, и писала отчёт для гигантского червя, который смотрел на меня всем телом и ждал. Ждал, как ребёнок ждёт мороженое. Только мороженое было бумажным.

Архивариус лежал между стеллажами. Он не двигался. Он вообще не двигался с того момента, как я села. Только вибрировал. Тихо, ровно, как холодильник на кухне. Я уже начала привыкать к этой вибрации. Она была почти успокаивающей. Почти.

— Ты долго, — сказал он. — Я жду.

— Я пишу, — сказала я. — Это не быстро. Отчёт — это не записка. Это документ. Он должен быть точным.

— Точным, — повторил Архивариус. — Это... это хорошо. Я хочу, чтобы было точно. Я хочу, чтобы было... правильно.

— Будет правильно, — сказала я. — Только не торопи меня. Когда меня торопят, я делаю ошибки. А ошибки в отчёте — это хуже, чем отсутствие отчёта. Потому что ошибку потом никто не исправит. А отсутствие можно списать на потерю.

Архивариус задумался. Это было видно по тому, как он перестал вибрировать. Потом снова начал. Медленнее.

— Я не хочу ошибок, — сказал он. — Я хочу... я хочу, чтобы всё было... как надо.

— Будет, — сказала я. — Обещаю.

Я написала ещё три абзаца. Про среду обитания. Про ра-

цион. Про поведение. Про то, что он ест бумаги, но не ест людей. Ну, то есть, не ест, если его не провоцировать. Я подумала и добавила: «В состоянии голода возможны отклонения от обычного рациона». Это была красивая формулировка. Она означала: «Если он голоден, он может съесть кого угодно, включая вас». Но звучала она профессионально. Я гордилась собой.

Мортимер заглянул мне через плечо. Я почувствовала, как он дышит мне в затылок. Дыхание у него было тёплое, немного нервное, с запахом чая и ещё чего-то, что я не смогла идентифицировать. Что-то травяное.

— Ася, — сказал он тихо. — А вы... вы уверены, что это сработает?

— Что именно? — спросила я, не поднимая головы.

— Ну... — он помялся. — Всё это. Отчёт. Имя. Чашка. Вы... вы думаете, он... он правда изменится? Ну, то есть, он перестанет... ну... есть людей?

Я отложила ручку. Посмотрела на него. Потом на Архивариуса. Потом снова на него.

— Мортимер, — сказала я. — Ты знаешь, что такое поведенческая терапия?

— Нет, — сказал он.

— Это когда ты меняешь поведение не наказанием, а... — я задумалась, подбирая слова. — А вниманием. Ты даёшь существу то, чего оно хочет, но на своих условиях. Червь хочет бумаги. Он хочет, чтобы его замечали. Он хочет, чтобы

у него было имя. Если он получит это, он, может быть, перестанет есть всё подряд. Ну, то есть, не перестанет. Но, может быть, начнёт различать. Бумага — это еда. Люди — это не еда. Это... это как с собаками. Собака ест из миски. Но не ест из твоей тарелки. Потому что её научили.

— А если не научили? — спросил Мортимер.

— Тогда она ест из твоей тарелки, — сказала я. — И ты остаёшься без ужина.

Мортимер посмотрел на Архивариуса. Архивариус посмотрел на Мортимера. Ну, то есть, он снова завибрировал. И в этой вибрации было что-то, что я не смогла описать. Что-то похожее на... интерес? Или на голод? Я не была уверена.

— Я не ем из тарелок, — сказал Архивариус. — Я ем из архива. Это... это моя тарелка. Архив — это моя тарелка.

— Вот, — сказала я. — Это уже что-то. Ты различаешь. Архив — твоя тарелка. Люди — не твоя тарелка. Это... это прогресс.

— Прогресс, — повторил Архивариус. — Это... это хорошо?

— Это отлично, — сказала я. — Это лучше, чем ничего.

Я дописала последний абзац. «Заключение: существо, известное как Пожиратель Отчётов, также известное как Архивариус, подлежит регистрации в качестве обитателя Архива Бюро посмертных услуг. Рекомендуется присвоить ему статус «хранитель архива» с правом на ежедневное питание в виде списанных документов». Я перечитала. Это звучало

солидно. Это звучало так, будто я не просто написала отчёт для червя, а составила официальный документ. Который, возможно, даже будет иметь силу. Ну, то есть, в этом мире. Где бумаги, кажется, имели силу большую, чем что-либо ещё.

— Готово, — сказала я. — Слушай внимательно. Я зачитаю.

Архивариус замер. Мортимер замер тоже. Я откашлялась и начала читать. Медленно, чётко, как читают приговоры. Или заключения. Или акты.

— «Отчёт о существе, известном как Пожиратель Отчётов. Составлен патологоанатомом Анной Сергеевной Громик. Дата составления: не установлена в связи с отсутствием календаря. Время составления: двадцать три минуты. Место составления: Архив Бюро посмертных услуг. Объект наблюдения: существо, обитающее в подвале Архива, известное как Пожиратель Отчётов, в дальнейшем именуемое Архивариус...»

Я читала. Архивариус слушал. Мортимер слушал. Папки светились. Чай остывал. Где-то капала вода. Где-то скрипел стеллаж. И в этом скрипе было что-то, что напоминало дыхание. Или шепот. Или то, как если бы кто-то очень старый и очень усталый вздыхал во сне.

— «...Внешний вид: удлинённое тело, покрытое чешуёй, напоминающей бумагу. Размер: не установлен в связи с отсутствием измерительной ленты. Глаза: отсутствуют. Способ

ориентации в пространстве: вибрация. Рацион: бумага, документы, папки, акты, отчёты. В случае голода возможны отклонения от обычного рациона. Поведение: спокойное, если не голоден. Голодный — опасен. Рекомендации: не кормить после полуночи. Не будить до обеда. Не смотреть в глаза. Ну, то есть, не смотреть туда, где у него могли бы быть глаза...»

— Это ты хорошо придумала, — сказал Архивариус. — Про глаза. У меня нет глаз. Но все думают, что есть. И смотрят. И это... это неприятно.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому и написала. Чтобы все знали, что глаз нет. И не смотрели.

— Спасибо, — сказал Архивариус. — Это... это очень... очень... — он не нашёл слова. Просто замолчал и снова начал вибрировать. Но вибрация была другая. Тише. Мягче. Как будто он... как будто он был тронут.

Я дочитала. Последняя фраза повисла в воздухе. «Рекомендуется присвоить статус хранителя архива с правом на ежедневное питание в виде списанных документов». Я посмотрела на Архивариуса. Он смотрел на меня. Ну, то есть, вибрировал.

— Всё, — сказала я. — Готово. Можешь забирать.

Архивариус медленно, очень медленно, подполз ближе. Он взял лист. Точнее, он обвил его кончиком тела. Бережно, как берут что-то очень хрупкое. И поднёс к той части, где у нормальных червей был бы рот. И... съел. Не быстро. Не жадно. Медленно. Смакуя. Как едят что-то, что приготовили

специально для тебя. Что-то, чего ты ждал.

Я смотрела. Мортимер смотрел. Папки светились. Чай остывал. И в этот момент я поняла, что впервые за весь этот день — или ночь, или что это было — я чувствую что-то похожее на удовлетворение. Не радость. Не счастье. Просто удовлетворение. Как после хорошо сделанной работы. Как после вскрытия, когда ты нашла причину смерти и написала заключение, и всё сошлось.

— Вкусно? — спросила я.

Архивариус замер. Потом сказал:

— Это... это самый вкусный отчёт, который я когда-либо ел. Он... он сладкий. Но не приторный. И... и в нём есть... есть что-то ещё. Что-то... что-то, чего я не пробовал раньше. Что-то... — он помялся. — Что-то похожее на... на уважение.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер посмотрел на меня. Его рот был открыт. Глаза были круглыми. Он был похож на человека, который только что увидел, как кто-то приручил дракона при помощи канцелярской скрепки. Ну, то есть, я уже говорила это. Но это выражение не сходило с его лица.

— Уважение, — сказала я. — Это хорошо. Это... это важно. Это значит, что ты не просто червь. Ты — хранитель архива. У тебя есть статус. У тебя есть отчёт. У тебя есть имя. И... — я помялась. — И, возможно, у тебя будет чашка. Но сначала...

— Сначала? — переспросил Архивариус.

— Сначала ты скажешь мне, как отсюда выйти, — сказа-

ла я. — И как вернуться домой. Ну, то есть, не домой. Ну, то есть... — я запуталась. — Ну, то есть, как попасть туда, где решают такие вопросы. Где выдают документы. Где... где можно получить... ну... разрешение.

Архивариус замер. Потом медленно, очень медленно, он начал вибрировать. Но это была не та вибрация. Это была... настороженность.

— Разрешение, — сказал он. — Ты хочешь разрешение?

— Да, — сказала я. — Я хочу вернуться. Ну, то есть, я хочу... — я снова запуталась. — Я хочу, чтобы всё было как раньше. Ну, то есть, не как раньше. Раньше я была живая. А теперь... теперь я не знаю, что я. И я хочу это исправить. Или хотя бы понять.

Архивариус молчал. Потом сказал:

— Есть только один способ. Пограничная контора. Там выдают визы. Но... — он помялся. — Но там... там сложно. Там... там эльфы. Они... они не любят... не любят тех, кто застрял. Они говорят, что застрявшие — это... это нарушение. Это... это беспорядок. А беспорядок они... они не любят.

— Эльфы, — сказала я. — Ну, конечно. Эльфы. Почему бы и нет. В мире, где скелеты оформляют бумаги, а черви едят отчёты, эльфы, конечно, должны быть бюрократами. Это... это логично. Это... это просто... — я замолчала. Потому что поняла, что начинаю кричать.

Мортимер положил руку мне на плечо. Я посмотрела на него. Он смотрел на меня с сочувствием. Настоящим. Не

притворным.

— Ася, — сказал он. — Я... я знаю, что это тяжело. Но... но я помогу. Правда. Я... я пойду с вами. В пограничную контору. Я... я знаю, где это. Ну, то есть, примерно. Ну, то есть, я знаю, как туда идти. Ну, то есть... — он помялся. — Ну, то есть, я знаю, что это наверху. И... и что туда ведёт лестница. Но какая именно — я не помню. Там... там много лестниц. И все они... ну... они ведут в разные места. И некоторые — в очень плохие места. Например, в отдел кадров. А отдел кадров — это... это хуже, чем смерть. Ну, то есть, хуже, чем вторая смерть. Ну, то есть... — он замолчал.

Я вздохнула. Первый раз за эту главу. Ну, то есть, за этот кусок главы. Ну, то есть... — я мысленно махнула рукой. Какая разница.

— Ладно, — сказала я. — Пограничная контора. Лестница. Эльфы. Я поняла. А теперь... — я посмотрела на Архивариуса. — А теперь скажи мне, как отсюда выйти. Где выход? Где лестница? Где... где всё?

Архивариус замер. Потом сказал:

— Выход есть. Но... но есть проблема.

— Какая проблема? — спросила я.

— Время, — сказал Архивариус. — Сейчас... сейчас почти час. А в час... в час у меня... у меня обед.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер посмотрел на меня. Его лицо стало белым. Ну, то есть, ещё белее, чем обычно.

— Обед, — сказала я. — Что значит «обед»?

— Это... — Мортимер сглотнул. — Это когда он... когда он ест. Ну, то есть, ест всё. Ну, то есть, не только бумаги. Ну, то есть... — он посмотрел на Архивариуса. — Ну, то есть, всё, что плохо лежит. Или хорошо лежит. Или... или лежит вообще. Он... он не различает. Когда он голоден, он... он просто ест. И... и не останавливается, пока... пока не наестся.

— А когда он наедается? — спросила я.

— Не знаю, — сказал Мортимер. — Это... это зависит от того, сколько... сколько еды. Если мало... то мало. Если много... то много. Но... но он всегда голоден. Ну, то есть, не всегда. Но... но в час. В час он... он особенно голоден. Это... это его расписание. Обед. В час. Каждый день.

Я посмотрела на часы. На стене висели часы. Большие, с маятником, с кукушкой. Кукушка была скелетом. Ну, то есть, не кукушка, а скелет, который выходил из домика и говорил: «Ку-ку». Только он говорил это с таким выражением, будто ему было очень скучно. Сейчас было двенадцать сорок. До обеда оставалось двадцать минут.

— Двадцать минут, — сказала я. — У нас двадцать минут, чтобы выйти. Где выход?

— Выход, — сказал Архивариус, — в конце архива. За стеллажами. Там дверь. Но... но она... она заперта. И... и я не могу её открыть. У меня нет... нет ключа. И... и нет рук. Ну, то есть, руки есть, но... но они не... не для ключей.

— А кто может открыть? — спросила я.

— Никто, — сказал Архивариус. — Дверь открывается только... только изнутри. Но изнутри — это... это в другом месте. Ну, то есть, не в архиве. Ну, то есть... — он замолчал. Потом сказал: — Я не знаю. Я никогда не выходил. Я всегда был здесь. Я... я не знаю, как выйти.

Я посмотрела на Мортимера. Мортимер посмотрел на меня. Потом на Архивариуса. Потом снова на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.